

ИЛЬЯ ЛЕВЯШ

Блеск и нищета демократии

Тексты и контексты

Сущность демократии: феномен «множественной личности»

Ну что ты вынесла на рынок?
Ведь это заваль, старина!
Нет у тебя, кума, новинок?
Теперь иные времена.

И. В. Гете. Фауст.

Демократия, монархия — это сейчас получило другой смысл. Кто верит этим формам жизни как формам? Важно содержание.

В. И. Вернадский. Открытия и судьбы.

Вынесенное в эпиграф суждение крупнейшего российского мыслителя — одно из первых значимых свидетельств «разочарования в прогрессе» демократии в начале XX столетия. Однако завершилось оно эйфорией «третьей волны» демократизации. Правда, и по этому поводу Р. Дарендорф заметил: «Сколько было суеты, сколько шума, но ни одной новой идеи»¹. Вопреки апологии демократии, нарастает и волна ее критики. Ее характерная особенность — «определенность неопределенности» в идентификации

¹ Р. Дарендорф. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 195—196.

ЛЕВЯШ Илья Яковлевич — профессор, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, доктор философских наук.

Ключевые слова: Государство, право, политическая мысль, политическая практика, демократия, авторитаризм, тоталитаризм, античная демократия, демократия в Средние века, демократия в Новое время.

смыслообразующего ядра демократического дискурса. М. Доган отмечает, что термин «эрозия» означает нечто среднее между «утратой иллюзий», «разочарованием», «нездоровьем» и «кризисом», «делегитимацией», «патологией»². В итоге понятие демократии стало «аналитически бесполезным»³.

Такой приговор не кажется бесспорным: полисемантическая перегруженность концепта «демократия» скорее взыскует не «зряшного» отрицания этого феномена, а постижения его смысла. Демократия — изобретение, ставшее архетипом политического разума. У спора о ее «блеске и нищете», достоинствах и ущербности — более чем двухтысячелетняя история. Замысел этой статьи заключается в том, чтобы в форме «экспертного опроса», апелляции к классикам политической философии и современным «властителям дум» воспроизвести сущность, смыслообразующие цели и пределы демократического процесса.

² См. М. Доган. Эрозия доверия в развитых демократиях. — «Мировая экономика и международные отношения». 1999. № 5. С. 85.

³ См. Ф. Закария. Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за ее пределами. М., 2004. С. 14.

Парадоксы демократической Одиссеи

С тех пор как существует демократия, ее изначальная и непреходящая противоречивость вызывала, с одной стороны, представления о ней как высшей форме политического устройства общества, апологетику «лучшего из миров» демократии; а с другой — отношение к ней как к «больному человеку», ее дискредитацию как аномалии политического процесса.

Уже в колыбели демократии — в древней Элладе ее «детей», судя по более позднему замечанию Цицерона, «беспокоили споры о словах». В их эпицентре естественным образом находилось понятие «демократия». Исторически она была прорывом — в сравнении с восточными деспотиями, но это была непосредственная демократия локусов — городов-государств. Однако древние греки никогда не отождествляли *смыслы* понятий «политика» и «демократия». По Аристотелю, их соотношение известно. Для него демократия — это «дурная» форма государства как деформация политики.

Трудно сказать, кто больше преуспевал в «деформациях» — аристократы или демократы. Но, по свидетельству Гераклита Понтийского, первые собирали детей бедного сословия, обмазывали их смолой и сжигали живыми, а вторые, захватив власть, забирали детей богатого сословия и бросали их под ноги быкам. Напомнив эти ужасы, И. Ильин резюмировал, что «это не Политика, а ряд позорных злодеяний»⁴.

«В народных собраниях, — писал Плутарх, — никто не мог высказывать своего мнения. Народ мог только принимать или отвергать предложения геронтов и царей. В идеализированных нами Афинах нередкой была практика остракизма, выдворения из города наиболее достойных граждан. Герак-

лит сетовал, что в Афинах «изгнали лучшего среди них, его друга Гермодора, говоря в оправдание: да не будет никто из нас наилучшим, а если есть таковой, то пусть будет в другом месте и у других»⁵. Такая же судьба постигла выдающегося реформатора Аристиды Афинского. Во время собрания, где голосовали черепками, один неграмотный крестьянин, не знакомый с ним, попросил написать на черепке «Аристид» и бросить черепок в роковой кувшин. Обвиняемый спросил, не сделал ли он крестьянину чего-либо дурного, и услышал поучительный ответ: «Ничего, — ответил тот. — Я даже не знаю его, но мне досадно, что все называют его справедливым»⁶.

Солженицынский «зэк» Руська, освоив книгу Т. Моммзена «История Рима», констатирует: «История до того однообразна, что противно ее читать... Чем человек благородней и честней, тем хамее поступают с ним соотечественники. Спурий Кассий хотел добиться земли для простолюдинов — и простолюдины же отдали его смерти. Спурий Мелий хотел накормить хлебом голодный народ — и казнен, будто он добивался царской власти. Марк Малий, тот, что проснулся по гоготанию хрестоматийных гусей и спас Капитолий, — казнен как государственный изменник!»⁷ Стоит ли удивляться, что древнеримская триада монархии, аристократии и демократии выродилась (буквально по Аристотелю) в тиранию, олигархию и *охлократию* алчущих и жаждущих только «хлеба и зрелищ».

В Средние века демократия, по-прежнему социально-усеченная и ориентированная на меньшинство, в целом была не в чести. Фома Аквинский писал о ней как одной из разновидно-

⁵ *Цит. по:* Г. В. Ф. Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993. С. 297.

⁶ «Герои Греции». М., 1994. С. 151.

⁷ А. И. Солженицын. В круге первом. Т. 1. М., 1991. С. 83.

⁴ И. Ильин. Наши задачи. Париж, М., 1992. С. 124.

стей тирании: «Если несправедливое правление осуществляется многими лицами, то это называется демократией». Тем не менее итальянское Возрождение, Ганзейский союз, Господин Великий Новгород — во многом плоды средневековой демократии.

Новое время — эпоха становления капитализма — означало, по словам В. И. Ленина, «пробуждение человека в коняге» и требование возврата, расширения и обновления обмельвшей демократической традиции. Эстафету принял Ж. Ж. Руссо. В центре социальной философии мыслителя — противоречие, которое он формулирует известным афоризмом: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»⁸. Такое состояние не является естественным. Оно — следствие разрушения исходного состояния личной свободы и равенства в общности имуществ. В чем же исход? По убеждению мыслителя, имущественное по природе «состояние вражды» может быть устранено при условии согласия относительно «наибольшего блага для всех» как высшей цели. Она достигается «общей волей». Такое объединение создает нового субъекта — народ, и он демократическим путем устанавливает законы на основе своего высшего суверенитета.

Руссо — не только отец буржуазной демократии, но и ее «крестный отец», объективно благословивший тоталитарную ипостась «верховенства большинства» — якобинскую гильотину и пришествие нацистского Антихриста демократическим путем. В такой перспективе искомые «общая воля» и свобода человека — скорее проблема, чем ее решение.

Печать этих противоречий лежит и на французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, в которой сформулирован высший конституционный императив: «Люди рождаются

свободными и равными в правах. Общие отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы... Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». Но как их соблюсти, не отрекаясь от «общей пользы», если собственность одних лишает ее других, а безопасность первых является угрозой для иных? Как заметил И. Бродский, «равенство, брат, исключает братство», потому что братья бывают младшие и старшие («Большой брат» — особенно).

Но проблема не сводится к объективной *разнонаправленности* интересов. Немалую роль играет и *субъективное*, но также существенное обстоятельство, отмеченное Аквином: «Решающим фактором является то, кому принадлежит распоряжение; в сравнении с этим содержание распоряжения бывает в некотором смысле второстепенным». Поэтому Д. С. Милль полагал иллюзией, что демократия — это правление большинства, а не «наука управления от имени большинства». Он считал, что исполнительные органы не должны избираться народом. Управлять могут лишь люди, к тому подготовленные, обладающие специальными качествами, и судить о них может лишь тот, кто сам до известной степени ими обладает. Как итог демократической революции в Европе в 1848 году прозвучал афоризм императора Иосифа II: «Все для народа, ничего — через народ!»⁹ Позднее и К. Маркс признал неудачным управленческий опыт Парижской коммуны.

Оппозиция демократии нарастала, в том числе в среде ее сторонников. А. Герцен в «Письмах в будущее» обратил внимание на ее переходный и нетворческий характер. Демократия не может ничего создать, писал он. Это не ее дело, и она будет нелепостью после смерти своего врага. Демократы

⁸ Ж. Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 152.

⁹ Цит по: Ф. Виттельс. Фрейд, его личность, учение и школа. Л., 1991. С. 38.

знают, чего они не хотят, но чего они хотят, они не знают. Действительного творчества в демократии нет, и потому-то она — не будущее.

Что же говорить о тех мыслителях, кто *скептически* относился к демократии? С точки зрения К. Леонтьева, следует «понимать прогресс мысли не в духе... любезно демократическом, а в значении усовершенствования самой только мысли»¹⁰. В. Розанов считал, что сущность демократизации амбивалентна: каков ее смысл, будет ли он низок или благороден, благотворен или губителен — это «предрешается... теми, кто его направляет, то есть в конце концов индивидуумом, гением, культурой... Но вот здесь — маленькая опасность демократии. Народ никогда не должен быть *vulgus*, и народное не должно состоять в опошлении... Безмолвная душа народа есть то же, что молчаливый инструмент, и уже от смычка будет зависеть, какие звуки извлечь из нее»¹¹.

Такие оценки никак нельзя объяснить традиционной оппозицией многих русских мыслителей «загнивающему» Западу. Сравним два «репрезентативных» суждения. Е. Н. Трубецкой полагал идейный индифферентизм демократии производным ее зависимости от «арифметических правил суммы». Из этого положения вещей вырастает безыдейная демократия, и «таким образом понятая демократия вырождается в массовый деспотизм»¹².

Демократические лики XX века

Итоги «бури и натиска» против идеализированной демократии обобщил М. Вебер. В своей «социологии

господства» он подчеркнул то принципиально новое, что отличает классическую теорию демократии от современных представлений о ее действительных основаниях. В социальной области — это выдвижение и усиление властного потенциала элит. В результате в юридической области — утверждение приоритетов президентской и исполнительной власти относительно представительных учреждений, а в политической области — такая технология принятия решений, которая затрудняет демократический контроль. Вебер заметил в одном письме: «Такие концепции, как “воля народа”, давно перестали существовать для меня»¹³.

Впечатляющее резюме этого процесса подвел отец американской исторической науки XX века А. Шлезингер-старший: «Простое большинство не может заменить руководства... судьба демократии зависит от достоинств ее руководителей»¹⁴. Американские политологи Т. Дай и Л. Зиглер свою книгу—введение в американскую политику назвали «Демократия для элиты» (1984). Ее порочным зачатием была технология принятия Конституции США в 1787 году. Известно, что Конституционный конвент не только дополнил и исправил, как ожидалось, положения действовавшего тогда в стране Основного закона «Статьи конфедерации», но и подготовил принципиально новый политико-юридический документ. Предполагая, что он может вызвать серьезное сопротивление в легислатурах штатов, основатели американского государства предприняли два маневра: ввели условия ратификации этого документа девятью штатами, а не всеми двенадцатью (так как в ряде штатов рас-

¹⁰ К. Леонтьев. Из книги «Наши новые христиане». — «О великом инквизиторе. Достоевский и последующие». М., 1991. С. 48.

¹¹ См. В. Розанов. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 112, 114, 116.

¹² Е. Н. Трубецкой. Смысл жизни. М., 1994. С. 302.

¹³ М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 38.

¹⁴ А. Шлезингер. Циклы американской истории. М., 1992. С. 606.

считывать на успех не приходилось), и настояли на созыве для ратификации Конституции специальных ратификационных конвентов, которые должны были одобрить Конституцию вместо передачи ее на рассмотрение легислатур штатов. В итоге Конституция была принята, несмотря на значительное число ее противников.

Однако американская политическая элита предпочитает видеть бревно не в своем глазу. Прецедент с первым избранием президентом Буша-младшего, который «выиграл» в коллегии выборщиков, хотя и проиграл незначительному большинству голосовавших за Гора, — это иллюстрация формально-правового характера демократии. Она оказалась несовместной с принципом справедливости, не говоря уже о здравом смысле.

Нарастающий крик империализма исходит от мыслителей, озабоченных ролью демократии в расширении/объединении Европы. Л. Зидентоп отмечает, что «до середины двадцатого века слово “демократия” было почти неизвестно за пределами западного мира, а до начала девятнадцатого века это слово вызывало крайне неблагоприятные ассоциации даже на Западе. В те времена роль демократической идеи мало чем отличалась от роли “ид” во фрейдовской теории психоанализа — и то, и другое означало темную, непостижимую и глубинную угрозу, исходящую снизу. Высшие классы и религиозная верхушка европейского общества видели в демократии нечто демоническое. Какая невероятная перемена свершилась в наше время! ...Это изменение смысла демократии

крайне важно для создания новой Европы. Однако его мало кто понимает, и это очень опасно.

Это значит, что европейцы фактически не сознают, что центральный компонент их веры указывает одновременно в противоположных направлениях, что современная идея демократии вносит в европейскую идентичность то напряжение, которое способно взорвать ее. Сам масштаб демократического общества делает модель активного гражданства практически неосуществимой... В той мере, в какой либеральная демокра-

Прецедент с первым избранием президентом Буша-младшего, который «выиграл» в коллегии выборщиков, хотя и проиграл незначительному большинству голосовавших за Гора, это иллюстрация формально-правового характера демократии.

тия в Европе смиряется с тиранией экономических категорий..., подрывается доверие к самой демократии. Она все больше будет походить на тот фасад, о котором в свое время говорил Маркс, за которым скрываются другие, более зловещие силы»¹⁵.

Вступление в Евросоюз посткоммунистических стран воспроизвело отмеченные в Старой Европе пороки демократии. Как отмечает один из пассионариев «Пражской весны» Л. Вацулик, «в посттоталитарных странах должны бы формироваться системы, построенные на уроках как социализма, так и капитализма... коммунизм у нас пал, но причины — почему он

¹⁵ Л. Зидентоп. Демократия в Европе. М., 2001. С. 58—59, 75, 270.

возник — остались. Новый строй тоже нуждается в присмотре... капитализм развился уже настолько, что почувствовал силы избавиться от демократии»¹⁶.

Объективную тенденцию, которая объединяет эти сравнительно новые феномены, можно определить по символическому сюжету романа В. Гюго «Труженики моря». Писатель изобразил скалу, которая немного возвышалась рядом с берегом и имела форму стула. Если кто-либо сюда садился и, убаюканный шумом волн, засыпал, то его захватывал прилив, и он погибал. По Честертону, это символ *усталой* демократии.

Как всегда: что же делать? В мире человека есть немало таких вещей, которые тяжело нести, но жалко бросать. Исходя из противоречивого опыта демократии, приходится следовать У. Черчиллю: демократия — скверная вещь, но без нее будет еще хуже. Поэтому критическое отношение к демократии не отменяет необходимости постижения полиаспектного и вместе с тем целостного постижения ее проблематики.

«Маска, я тебя знаю»

Какова же в таком многоплановом контексте *суть* демократии? Она постигается в метафорическом и рациональном ракурсах. Первый из них предстает в воспоминаниях ученика и биографа отца психоанализа Ф. Виттельса о поучительном эпизоде из жизни учителя. До Первой мировой войны З. Фрейд «знавал» в полиэтничной Австро-Венгерской империи «легкомысленную дамочку», которая каждую ночь проводила в другой казарме. После ночи, проведенной в кавалерийских казармах, она на следующее утро

говорила с венгерским акцентом гусар. После казарм пехотинцев уже говорила на чехо-немецком, а от уланов возвращалась полькой. Она регулярно идентифицировала себя с теми лицами, объектом любви которых она как раз была, и надо опасаться, что в конце концов она сделалась типичным примером «множественной личности»¹⁷. Н. Бердяев рационально постиг смысловой узел проблемы: «Демократия безразлична к направлению и содержанию народной воли и не имеет в себе никаких критериев для определения истинности или ложности направления, в котором изъясняется народная воля, для определения качеств народной воли». Этим обусловлена «проблема неизбежного ограничения самодержавия демократии»¹⁸.

Демократия — типичная «множественная личность». В *принципе* она может быть и либеральной, и тоталитарной, и авторитарной, хотя *степень* ее комплементарности с различными формами политического устройства — «переменная величина». Чем объяснить такую всеядность? Демократия *нейтральна*, потому что она не «что», не особая сущность или субстрат политической жизни, а «как», *технология власти*. Не какова демократия — такова и политика, а наоборот: *какова политика — такова и демократия*. Возомнившая себя не только формой, но и (паче чаяния) универсальным содержанием, демократия напоминает «сумасшедшее фортепьяно» — образ французского просветителя XVIII века Д. Дидро. Безумие инструмента заключалось в том, что оно возомнило самое себя творящим музыку. Нет, политическую «музыку» творит «композитор» — либеральный, тоталитарный или авто-

¹⁶ «Без страха перед правдой. Интервью с участниками и жертвами вторжения в Чехословакию». — «Известия». 21.08.1998.

¹⁷ См. Ф. Виттельс. Фрейд, его личность, учение и школа. С. 160.

¹⁸ Н. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М., 1994. С. 465, 475.

ритарный субъект; а демократия как *технология* — ее воспроизводит.

Искомая суть, на наш взгляд, такова. Демократия — не панацея, а *инструмент* решения проблем. Поскольку оперировать инструментом — большое искусство, оно всегда — крупномасштабная *проблема* субъектов политики — демократическим путем выявить *смысл* их отношения к власти. Демократия — никогда не результат, но всегда — *процесс*. Она вечно между истиной, заблуждением и ложью. Здесь возможны *зablуждения* в поиске истины, и самые типичные из них — механический перенос семян демократического опыта одних стран на почву других и в результате — его дискредитация. Она становится угрожающей, когда заблуждение уступает место *Большой лжи* о ней как об универсальной отмычке.

Необходимо ясное понимание не только потенциала демократии, но и ее *пределов*. Каковы они? Прежде всего, пределы демократии — в степени зрелости ее конкретно-исторических *субъектов*. «Каков поп — таков и приход», и каковы демократы — такова и демократия. Как революцию губят преимущественно революционеры (поэтому она и «пожирает своих детей»), так и демократию губят в первую очередь те, кому неведом смысл ницшеанского афоризма: «Главное — не казаться, а быть». Имя им — легион; и в нем колоритные персонажи: начиная с тех, для кого шапка демократии просто «не по Сеньке», до тех, для кого она, как по иному поводу говорил К. Маркс — не более чем «бульжник — орудие пролетариата», орудие борьбы за самоцельную власть. Именно «демагоги» этого многоликого *vulgus* утилизируют демократию как *профессию*, подобно тем, кто приватизирует патриотизм.

Ключевая демократическая формула *свободы и равенства* — не «квадратура круга», но заведомо труднейшая

проблема *меры* между важнейшими слагаемыми этой формулы. Дисбаланс между ними неизбежно влечет за собой или либеральную, или тоталитарную ипостаси демократии. Точкой опоры в искомом балансе являются отнюдь не столько распределительные отношения в духе «социального государства», сколько отношения производства квалифицированного демократического «продукта». Здесь, отмечает П. Бурдьё, непосредственная, «прямая» демократия — «без сомнения несовершенная форма»¹⁹, поскольку «горизонтальное» требование *равного* права на участие в управлении противоречит «вертикальному» требованию подлинной свободы — способности действовать со знанием дела, *компетентности* принятия и реализации решений, то есть политического руководства. По А. Шлезингеру, «простое большинство не может заменить руководства... судьба демократии зависит от достоинств ее руководителей»²⁰. Лишенная такого качества демократия — по определению количественный феномен. Как заметил Ф. Кафка, чем шире половодье, тем мельче вода. Перефразируя известную максиму, можно сказать, что каждая демократия имеет таких субъектов, которых она заслуживает.

В наш информационный век демократия, сама по себе не истина, может быть *путем* к ней. В реальных условиях усиления разнообразия и противоречивости взаимодействия между индивидами, социальными группами, общностями людей и социумом в целом, нарастания постмодернистских центробежных процессов все более императивна потребность в информации, которая пронизывает прямые

¹⁹ П. Бурдьё. Социология политики. М., 1993. С. 29.

²⁰ А. Шлезингер. Циклы американской истории. С. 606.

и обратные связи между политическими субъектами и способна быть основанием адекватных управленческих решений. Как известно, информационный цикл включает в себя создание, хранение, передачу и преобразование знания. Демократические механизмы не определяют этот цикл, но способны быть сопричастными к нему как медиаторы. Они *передают* информацию при условии *достоверности* ее создания и преобразования субъектами политического взаимодействия.

Исходя из изложенного, нет сомнений в *легитимности* демократии. Но ясно, что она — не данность, а всегда настоятельная *потребность* и творческая *способность*. В этом смысле верно, что «обращению с демократией, как и обращению с женщиной, нужно учиться» (А. Михник). Можно примириться с тем, что она ускользает от самых, казалось бы, прочных понятийных сетей. Главное — *смысл* демократии, который должен задаваться коренными интересами человека труда — творца общественного богатства. Степень адекватности этим интересам — *критерий* подлинного демократизма политики.

Демократия и авторитаризм: «волкодав прав, а людоед — нет»

Могущество, когда, когда
Соединишь ты с властью разум?

И. В. Гете

Страшны не авторитарные режимы, а режимы,
не отвечающие ни перед кем и ни перед чем.

А. Солженицын

Поиски синтеза демократического разума с властью уже определенно выявили неорганический характер симбиоза «либеральной демократии»²¹, как последней версии отношения

либерального Каина к демократическому Авелю. Ныне синдром «множественной личности» демократии приводит к заблуждению типа «все кошки серы» как *отождествлению* тоталитаризма и авторитаризма и, в свою очередь, их отношения к демократии. Однако скорее это не столько заблуждение, сколько софизм — «подмена основания» заинтересованными политическими силами. Они хорошо ведают о комплементарности авторитаризма и демократии, но, демагогически ратуя за демократию «без берегов», плодят Большую ложь антидемократического образа-кентавра — «тоталитарного авторитаризма».

В чем заключается эта Ложь? Ш. Эйзенштадт отмечает, что воплощение в жизнь «культурной и политической программы современности» вызвало «сильнейшие и непрерывные трения и противоречия. В первую очередь речь идет о противоречии между акцентом на автономии человека и мощным, жестким контролем, истоки которого кроются в технократических и/или этически-утопических положениях этой программы... К наиболее важным проявлениям такого контроля относились унифицирующие и «цивилизаторские» тенденции, присутствующие современным государствам»²².

Такой мифологеме А. Солженицын противопоставляет вынесенное в заголовок совершенно различное, выстраданное личной судьбой отношение «волкодава» и «людоеда» к демократии. Людоед — по определению тоталитаризм, а в семиотическом ряду В. Путина, «товарищ волк, который кусает и никого не слушает». В отличие от него авторитаризм, оказывается, не волк и, разумеется, не овца, а волкодав — страж «овечьего стада» как символ *autoritas* (*лат.* — «власти»).

²¹ См. **И. Валлерстайн**. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 120–142.

²² **Ш. Эйзенштадт**. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость. — «Полис». 2002. № 2. С. 71.

Однако это принципиальное различие не всегда зиждется на последовательных аргументах. По А. Шлезингеру «согласно этому разграничению, тоталитарный режим в своем стремлении овладеть человеческой душой уничтожает все автономные институты, тогда как авторитарный режим, будучи деспотическим по характеру, но ограниченным в плане размаха, оставляет душу в покое, проявляя терпимость... «плюрализм» — наличие автономных институтов — свидетельство авторитарности»²³.

Отмеченные признаки авторитаризма не во всем бесспорны и тем более — полны. Странным предстает «деспотичный» авторитаризм, который отказывается от контроля сознания людей. Этого не могут себе позволить даже либеральные режимы, и вопрос — лишь в целях и способах контроля. В отличие от тоталитаризма как жесткой идеократии — примата все более оторванной от динамики жизни доктринерской схоластики, одна из важнейших особенностей авторитаризма — его идеологическая незашоренность, способность прагматически отвечать на новые вызовы, пластика сопряжения стратегических целей и тактических задач. Тоталитаризм выживает лишь в условиях герметической изоляции; авторитаризму же по плечу режим «полуоткрытого общества». У первого есть только внесистемные враги; у второго — еще и системные оппоненты. Он не отправляет их на Канары, но и не отсылает на нары. Иными словами, авторитаризм действует согласно французской мудрости: жена должна держать мужа на поводке, но он (поводок, а не муж) должен быть достаточно длинным, чтобы его не замечать.

²³ А. Шлезингер. Циклы американской истории. С. 153, 154.

Демократия по-американски

Такая модель авторитарной демократии не имеет постоянной прописки и, вопреки заблуждениям и фальсификациям, давно и прочно обосновалась на американской почве. А. Шлезингер не оставляет камня на камне от идеологемы США как либерально-демократической классики и воссоздает впечатляющую историческую панораму их традиционно авторитарно-демократической политики. В итоге: «*Сильное, деятельное правительство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура везде приходит на смену слабой и беспомощной власти* (курсив мой. — И. Л.)»²⁴. Действительно, «новый курс» Ф. Рузвельта имел авторитарно-демократический характер. В кризисный период Америка готова была 16 лет видеть в нем своего президента. Авторитет американской политической философии Дж. Грэй пишет, что гражданское общество в принципе «не нуждается в политических и экономических институтах либеральной демократии», и в различных вариантах оно вполне совместимо с авторитаризмом²⁵.

Ф. Закария в книге с характерным названием «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за ее пределами» приводит и не менее характерный эпизод. В 1990-е годы один американский эксперт был направлен в Казахстан с целью оказания помощи его парламенту. Но он отклонил настойчивые просьбы предложить точную копию американского конгресса и затем вспомнил, что мысленно сказал себе: «Ни в коем случае!» Подобное мнение, пишет Ф. Закария, — не редкость. Многие американцы, про-

²⁴ Там же. С. 357.

²⁵ J. Gray. Post-liberalism. Studies in Political Thought. N. Y.; L., 1996. P. 325.

фессионально занимающиеся вопросами демократии, считают, что государственная система США далека от того, чтобы быть образцовой. «На самом деле базовая идея американской конституции, а именно — опасение чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, столь же актуальна сегодня, как и в 1789 году»²⁶.

«Что-то слышится родное» в этих строках, но оказывается, не только для нас, но и для народа, который своим символом почитает статую Свободы. «Одно из предназначений свободного рынка и открытого общества, — пишет Нестор американской цивилизации М. Лернер, — состояло в том, чтобы сломать авторитарную модель культуры, которая им предшествовала. Но дьявола вилами не прогонишь. Склонность к авторитаризму возродилась в Америке в форме погони за общественным положением и чувством уверенности в стабильности... Многие американские психологи, изучавшие классический тип центральноевропейского фашиста или коммуниста, находили прямые соответствия им и в американской действительности»²⁷. Так что в подкорке американского среднего класса — хрестоматийного «столпа демократии» — тоже «хаос шевелится» и обретает плоть упомянутый Шлезингером «деспотический авторитаризм». США изначально были и по преимуществу остаются *авторитарно-демократическим* государством.

Демократия по-европейски

В отличие от них, Западная Европа успела пройти исторически краткий, но все же либерально-демократиче-

²⁶ Ф. Закария. Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за ее пределами. С. 11.

²⁷ М. Лернер. Развитие цивилизации в Америке. Т. 2. М., 1992. С. 141.

ский курс. Тем не менее авторитарная демократия никогда не была здесь только призраком. Даже Вольтер, готовый отдать жизнь за право оппонента высказывать свои мысли, в письме к Сан-Ламберту в 1771 году заметил, что считает «лучшим подчиняться доброму льву, который намного сильнее меня, чем двум сотням крыс моего вида».

С тех пор западноевропейский синтез авторитаризма и демократии неуклонно доказывал свою экономическую и политическую эффективность. Наполеоновский проект панъевропейского господства «на острие пштыка» закономерно потерпел крах. Но реальностью был и другой Наполеон — дальновидный и совсем не племенитарный национальный лидер. Общеизвестна плодотворность Гражданского кодекса Наполеона, и его творец с законной гордостью писал: «Я закладываю во французскую землю гранитные блоки, которые являются институтами»²⁸. Император недолголюбил прессу (вообще «идеологов»), но при нем она была гораздо свободнее, чем во времена Директории. Совмещая образы и оценки Вольтера и Маркса, уместно заметить, что Наполеон I — это высокая трагедия «льва», а его племянник Наполеон III — всего лишь фарс амбициозной «крысы».

Писать об авторитарном голлизме как точке опоры, которая позволила буквально «перевернуть» Францию, вернуть ей статус великой державы, значит ломиться в открытую дверь. По словам английского исследователя Дж. Пиндера, де Голль «ограничил исполнительную власть, которая более не вызывала уважения, и предпочел руководить с помощью референдумов, стараясь уничтожить всех посредников между собой и народом»²⁹.

²⁸ Цит. по: Р. Арон. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 153.

Разумеется, такой политический стиль вызывает вопросы формально-процедурного характера. Но если исполнительная власть «не вызывает уважения», это не означает соответствия латинской максиме «*pereat mundus, fiat justitia*» («пусть погибнет мир, но свершится правосудие!»). Гораздо интереснее заметить, что, будь де Голль диктатором, для его ухода понадобились бы переворот или смерть. Но он, однажды не поддержанный большинством нации, ушел по-английски.

Таковы классические ипостаси разумного, «просвещенного» авторитаризма. Их можно без труда умножить, апеллируя, например, к политической практике Германии. В особенности это относится к Бисмарку. До сих пор он импонирует приверженцам *Realpolitik* афоризмом: «Великие вопросы истории решаются кровью и железом». А в историю он вошел как великий мастер объединения Германии как раз без «большой крови».

Сползание авторитарной демократии в Германии к либеральной, а от нее — к деспотической началось после Первой мировой войны. Характерна беседа М. Вебера с Людендорфом в 1919 году. Канцлер упрекнул его как редактора газеты «Франкфуртер цайтунг» в том, что она защищает демократию. *В.*: Вы думаете, что то свинство, которое мы имеем сегодня, я принимаю за демократию? *Л.*: Если Вы так говорите, мы с Вами, может быть, найдем общий язык... Что Вы считаете демократией? *В.*: В демократии народ выбирает вождя, в которого верит. Затем избранник говорит: «А теперь заткнитесь и подчиняйтесь!» Народ и партии не смеют и пикнуть. *Л.*: Мне такая демократия подходит»³⁰. Мож-

но, наконец, с уверенностью сказать, что, если бы Веймарская республика была не либерально-, а *авторитарно-демократической*, шансы Гитлера на власть были бы исчезающе малы.

Социальная демократия в послевоенной Германии предполагала элементы *просвещенного авторитаризма*. «Приходится быть авторитарным, если желаешь чего-то достичь, заметил Коль... существует в Германии такое понятие “канцлерская демократия” — подчинение парламента исполнительной власти. И возникло оно не при железном Бисмарке, а после второй мировой войны... при Эрхарде “канцлерскую демократию” стали понимать как право канцлера употребить власть, чтобы прекратить затянувшиеся споры между исполнителями и законодателями»³¹. В интересах немецкого народа, как и народов Европы, — авторитарно сильная демократическая Германия, а не второе издание франкфуртского парламента XIX века.

Вместо заключения. О просвещенной авторитарной демократии

Использование термина «авторитарный» с необходимостью требует прояснить понятие авторитета. С этим понятием связана огромная путаница, поскольку широко распространено мнение, будто мы стоим перед альтернативой: диктаторский, иррациональный авторитет или вообще никакого авторитета. Но эта альтернатива ошибочна. Реальная проблема в том, какой вид авторитета следует нам признать... Рациональный авторитет имеет своим источником компетентность... Источником же иррационального авторитета, напротив, всегда служит власть над людьми».

Э. Фромм. Человек для себя.

В какой *мере* возможно и необходимо представленное в эпиграфе раздела суждение американского

²⁹ J. Pinder. Europe Against de Gaulle. London, 1963. P. 32—33.

³⁰ Цит. по: Р. Арон. Этапы развития социологической мысли. С. 580.

³¹ «Известия». 07.08.1998.

неомарксиста о степени адекватности авторитарной демократии в зависимости от ее *просвещенности* — это глобальный вопрос. Уже В. Розанов иронически предупреждал, что в Америке «те же люди», как и в Европе, но «ходят ногами вверх и головой вниз»³².

Видимо, в такой позе веберовский «глазомер» лучше видит проблемный характер демократии и в России. Р. Арон был прав. Когда известный диссидент В. Быковский говорил ему, что он уже десять лет объясняет на Западе, что такое Россия, но его не понимают, собеседник заметил: «Я уже полвека объясняю им, что такое Россия, но меня не понимают». Главное, чего не понимают, это исторически выработанная и ставшая неотъемлемой гранью национального генокода этатистская политическая культура. Она — не девиация, а *норма* российской истории и современности, предполагающая (в отличие от идеализированной природы власти на Западе) всегда персонифицированную Русскую власть³³. Это *разновекторный*

инвариант, способный, начиная с Петра I, воплощаться как в культуротворческих и просто цивилизаторских, так и в варварских формах.

В принципиальном плане ясно, что, развивая идею Р. Дарендорфа о глобальном вызове авторитаризма, в высокой степени вероятно, что синтез *просвещенного* авторитаризма с демократией, в отличие от двусмысленной комплементарности демократии с либерализмом и тоталитаризмом, имеет *органический* характер. Такой синтез — действительно *общая воля*, но не либеральное *своеволие* или тоталитарная *неволя*. Первая — путь к консолидации и обновлению социума, иные — к его деградации и разрушению.

Надежность и перспективность такой демократии зависит от реализации контекста классической мудрости: «Сознательный политик ведет события, бессознательного они волокут за собой». А как обстоят дела в современной России в русле «пути Путина» — это предмет специального разговора. ◆

³² В. Розанов. Религия. Философия. Культура. С. 241.

³³ См. Ю. Пивоваров. Партия власти: от идеи к воплощению. — «Независимая газета». 12.10.2005.